

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923+929

Еслюк Р.П.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ В БИОГРАФИЯХ: «РЫЦАРИ ДУШЕВНОГО ОБРАЗА» ДЖ. ХИЛЛМАН И ДЖ.Р.Р. ТОЛКИЕН

Проанализированы типы информационного метаболизма психотерапевта постъюнгианца Дж. Хиллмана и писателя Дж.Р.Р. Толкиена. На основе комплексного анализа многочисленных источников доказана их принадлежность к типу интуитивно-этический интроверт (ИЭИ, $\Delta \blacksquare$), выявлены общие характеристики деятельности обоих выдающихся личностей. Проведено исследование исторических факторов развития их идей. Поднимаются вопросы методологического развития метода соционической психобиографии.

Ключевые слова: соционика, определение типа информационного метаболизма, соционические психобиографии, Дж. Хиллман, Дж.Р.Р. Толкиен, постъюнгианство, мифология, жанр фэнтези, активное воображение, интуитивно-этический интроверт.

Введение. Соционическая психобиография

По мнению автора, развитие соционики, как науки, на данном этапе в определённой степени зависит от уровня культуры социоников — профессионалов и любителей, в том числе от уровня дискуссий по поводу заочного типирования известных личностей. Крайняя противоречивость в этом вопросе, наличие противоречивых мнений экспертов (и продвинутых любителей) создаёт не самое лучшее впечатление о научном потенциале соционики. В то же время, вопрос заочного типирования сам по себе сложен, требует комплексного изучения предмета исследования, что часто игнорируется теми, кто принимает участие в дискуссиях на форумах, в чатах или выдвигает версии в своих списках знаменитостей.

Несмотря на сложности заочного метода типирования знаменитостей, такие исследования всегда будут востребованы, так как представляют большой познавательный интерес с разных точек зрения. В русле соционики активно развивается направление заочного типирования знаменитостей, регулярно публикуется достаточно большой объём материалов на такую тему [11, 16, 17, 24 и др.]. Это делает актуальной задачу обобщения развития исследований в данной области науки, методологическую систематизацию таких исследований и публикаций. Заочное соционическое типирование знаменитостей неотделимо от психобиографического жанра, имеющего историю развития.

Психобиографические исследования — давний интерес автора этих строк. Представляется весьма ценным использовать потенциал биографических работ, раскрывающих важные жизненные установки и личные особенности выдающихся деятелей науки, искусства, культуры. В книге «Психобиографическое исследование М.Ю. Лермонтова» [8], выполненной в русле методологии психобиографики, автором раскрывался комплекс вопросов, направленных на изучение личности великого поэта, общественной жизни его современников, особенностей некоторых психологических симптомокомплексов. Эта работа была опубликована по рекомендации Учёного совета Народной украинской академии (НУА), позитивно встречена рецензиями и отзывами авторитетных лиц. На вернисаже педагогических идей и технологий Киевского района города Харькова в 1999 году эта книга была награждена дипломом.

Значительный интерес у читательской аудитории ряда харьковских изданий (газета «Слобода», «Теленеделя» и др.) вызвали публицистические очерки автора этих строк, раскрывающие психологические портреты выдающихся деятелей искусства — С. Есенина, М. Лермонтова, В. Цоя и др., деструктивных личностей — И. Сталина, В. Ленина. В опубликованном в 1995 году (газета «Слобода», № 44,46) публицистическом очерке «Легенда Виктора Цоя» через личность певца исследовалась социальная проблематика, раскрывались особенно-

сти воздействия его песен — архетипических, загадочных, идущих из интровертных глубин, меняющих установки социальной Персоны.

Как литературный жанр биография известна издавна. Письма, дневниковые записи, жизнеописания, автобиографии дают ценный материал о жизни выдающихся личностей. Первой биографией в истории многие признают «Житие Франциска Ассизского», книга появилась в середине XIII века под пером францисканца Бонавентуры. Это была, вероятно, первая историческая попытка описать движение человеческого духа в развитии, что отличает такую биографию от жизнеописаний Плутарха и писателей раннего средневековья. Таким образом, как отдельный жанр исторической литературы, биография существует около семи веков.

Философ Э.Ю. Соловьёв большое значение придаёт биографическому анализу, он одним из первых постарался систематизировать круг методологических вопросов такого жанра. В работе «Биографический анализ как вид историко-философского исследования», впервые опубликованной в 1981 году, он отмечал: «Биографическое исследование откликается не только на исторические, но и на сугубо современные вопросы, ищет ответа на них в опыте прошлого» [15, с.30]. Э.Ю. Соловьёв отмечает, что биография помогает проникнуть в единство наследия выдающегося мыслителя, уяснить ключевое в его наследии, она показывает, что идеи мыслителя не «изобрелись», а стали результатом длительного поэтапного развития.

Автор исследования методологии биографического жанра выделяет несколько типов биографий, в зависимости от исследовательских задач. Например, первый тип биографии — это попытка рассмотреть жизнь мыслителя с точки зрения единства его мысли. Второй тип — не столько единство движения мысли, как борьба мыслителя за продвижение своих идей, драматизм столкновения с жизнью, признания. Третий тип, по Э.Ю. Соловьёву, когда биография сама является воплощением идей мыслителя, практическим применением. А вот четвёртым типом биографий философ называет работы, где исследуется вопрос синтеза различных форм духовной деятельности на примере жизни избранного мыслителя.

Анализ методологии биографического жанра, целей и задач важен для систематизации работ в русле соционической психобиографии, для расширения потенциала этого направления развития соционики. В первую очередь, здесь можно выделить тип соционических психобиографий, нацеленных только на типирование или же, вместе с тем, исследующих, раскрывающих жизнедеятельность известной персоны по-новому, углубляющихся в решение научных или практических вопросов. Можно выделить сугубо научный тип соционической психобиографии или же публицистический, направленный на диалог с широкой культурологической аудиторией.

В современной мысли биографический жанр развивался под преимущественным влиянием герменевтики и психоанализа. Специфическое направление биографического жанра, так называемые патографии и психобиографии, т.е. биографические исследования с психиатрическими или психологическими акцентами. Немецкий невропатолог Мёбиус (или Моебиус; 1853-1907) создал особый отдел, тип под названием патографии. Он детально изучил жизни ряда выдающихся личностей, качественно описал их с точки зрения медицины.

Под влиянием З. Фрейда психобиографии становятся весьма популярным жанром, чему способствовали как теоретические открытия австрийского психолога, так и ряд выполненных им психобиографических исследований. Особую известность получили психоаналитические исследования Леонардо да Винчи, Ф.М. Достоевского, «Человека-волка», наследия Шекспира, Т.В. Вильсона и ряд других. Психоаналитик Э. Эриксон, в отличие от Фрейда, стремился при помощи анализа психобиографии отдельной выдающейся личности постигнуть мотивы поведения целой социальной группы, в которой личность находила свою идентификацию. Эриксон исследовал биографии Ганди, Мартина Лютера, Гитлера, Максима Горького. Такую же социальную направленность имели психобиографические исследования Э. Фромма, в которых он подверг анализу Лютера, Кальвина, Гитлера, Сталина, Гимmlера и др.

Важно отметить, что один из родоначальников герменевтической традиции В. Дильтей придавал большое значение биографиям и биографическим исследованиям вообще. Теоретики «понимающей» психологии (и философии) выступали за примат персональной неповторимости философских учений, авторского творчества. Важным методологическим принципом герменевтических интерпретаций дильтеевской школы была нацеленность на раскрытие той важной онтологической структуры опыта, которая определяла всё мировоззрение исследуемых авторов. В. Дильтей и Г. Миш подчёркивали значение самоидентификации автора, основной структуры его жизненного опыта, самости, персонального эйдоса. Такие методологические установки близки к методологическому исследованию личности в соционике, придающей важнейшее значение психологическому типу, определяющему информационный гомеостаз личности.

В истории создания психологических типов жанр психобиографии сыграл определённую роль. В «Психологических типах» Юнг посвящает данному вопросу IX-ю главу «Проблема типов в биографике», впрочем, короткую по объёму (около 10 страниц). В ней учёный преимущественно разбирает одну методику: «Можно ожидать, что и область биографики внесёт свой вклад в проблему психологических типов. Благодаря естественно-научной методике такого учёного, как Вильгельм Оствальд, сопоставившего ряд биографий выдающихся естествоиспытателей, обнаружилась типичная психологическая противоположность, которую Оствальд характеризует как тип *классический* и тип *романтический*» [34, с.441].

Что такое феномен биографики в соционике? Какую традицию основала А. Аугустинавичюте, начав формировать типологический список знаменитостей? Как это осмыслить философски, культурологически, литературоведчески, историографически? По нашему мнению, новое, широкое, культурологическое осмысление этой новой традиции, введённой Аугустинавичюте, может дать новый творческий импульс освоения соционической парадигмы широкой культурологической общественностью.

Рыцари душевного образа — феноменология «Я» Хиллмана и Толкиена

В эту группу объединены такие известные персоны, как психолог Джеймс Хиллман и писатель Джон Толкиен, которых, по мнению автора этих строк, объединяет как общий ТИМ — ИЭИ (Δ■), так и необычайно близкие по духу идеи. С учётом той настойчивости, которую эти известные персоны проявляли в отстаивании развиваемых ими взглядов, их метафорически можно назвать «рыцарями душевного образа». Оба полагали, что в современном технократическом мире «забыли» о душе, которая наиболее полноценно раскрывается через мир образов, являющихся животворящим источником психологического вдохновения и обретения равновесия.

Автор этих строк в своё время обучался психокоррекционному (психотерапевтическому) направлению под названием символдрама, или кататимно-имагинативная психотерапия, в основе целебного эффекта которого соприкосновение с образами, психоанализ при помощи образов. Поэтому указанные персоны весьма близки, понятны по своим установкам автору. Представленные соционико-психобиографические очерки важны как для развития соционической науки, так и для психотерапевтически-прикладной практики символдрамы, близких направлений, опирающихся в своей работе на использование внутренних образов, имажинаций. Соционический анализ позволяет не только установить психологические типы, он расширяет и углубляет контекст происхождения творческих идей исследуемых личностей, даёт богатый материал для научной (соционической), исторической, культурологической интерпретации.

Нет сомнений в том, что рассматриваемые здесь выдающиеся деятели полноценно раскрылись как творческие личности, одарённые немалым талантом, выражающимся через их психологический тип. Через присущий их ТИМу способ восприятия эти выдающиеся носители типа ИЭИ выполнили важную творческую миссию на Земле, что будет более детально изложено далее. Соционическое прочтение личностной миссии человека — сравнительно новое явление, в определённой степени уникальное. Два указанных известных человека отражают соционический клуб гуманитариев, несущих психологическую поддержку, что нашло полноценное и разностороннее отображение в специфике их деятельности, наполненной тонким психологиз-

мом, многосторонним отображением феноменологии «Я». Обоих объединяет устойчивое ощущение реальности психологического мира, внутренних образов души во всей их многогранности и красоте.

Джеймс Хиллман (1926–2011)

Биографическая информация

Джеймс Хиллман — американский психолог, психотерапевт, мыслитель, основатель оригинального направления постъюнгианства — архетипической психологии, автор более двух десятков книг, лауреат Пулитцеровской премии по литературе, известный общественный деятель и телеведущий.

Хиллман родился 12 августа 1926 года в гостиничном номере городка Атлантик-Сити (США, штат Нью-Джерси). Рождение Джеймса состоялось в Breakers Hotel, одном из отелей, которыми владел его отец. Джеймс был третьим ребёнком в семье из четырёх детей супругов Мадлен и Джулиан Хиллман. После окончания школы он учился в Школе дипломатической службы при Джорджтаунском университете в течение двух лет, что говорит о возможностях, которые открывались перед Джеймсом, родившимся в хороших условиях, в семье с высоким социальным уровнем.

Тем не менее в 16 лет подросток ушёл из дома и отправился в путешествие — он прошёл пешком или проехал автостопом Соединённые Штаты и Мексику. После Второй мировой войны вообще решил объехать весь мир, однако путешествие по Европе вскоре завершилось в 1953 году в Цюрихе.

Хиллман служил в ВМС США в корпусе больницы с 1944 по 1946 год, после отправился в Сорбонну в Париж, где изучал английскую литературу в Тринити-колледже в Дублине, который окончил с научной степенью в области умственных и нравственных (mental and moral) наук в 1950 году. Много слышавший о Юнге молодой человек всерьёз хотел стать его учеником, в связи с чем в 1953 году завершил путешествие по Европе в Швейцарии. Вскоре он сделался практикующим психотерапевтом. В 1959 году талантливый молодой человек получает докторскую степень PhD в Цюрихском университете, а также диплом аналитика от Института К.Г. Юнга (первого юнгианского института). В том же 1959 году 33-летний Джеймс Хиллман становится директором учебных программ, т.е. деканом Института аналитической психологии в Кюснахте. В этой должности он оставался до 1978 года, практически до самого переезда в США.

В конце 70-х годов Хиллман решает вернуться на родину и перебирается сначала в Даллас, потом переезжает в штат Коннектикут, где оставался жить до самого конца. Ещё в 1970 году Хиллман стал редактором «Spring Publications», издательства, посвященного продвижению архетипической психологии, а также изданию книг по мифологии, философии и искусству. Написанное им выдающееся произведение «Re-visioning Psychology» было создано в 1975 году и номинировано на Пулитцеровскую премию. Его книга «Кодекс души: в поисках символа и вызов» (The Soul's Code: In Search of Character and Calling) в 1997 году была в The New York Times в списке бестселлеров этого года. Хиллман был участником совместного создания Далласского института гуманитарных наук и культуры в 1978 году.

Являясь одним из самых известных постъюнгианцев, Хиллман внёс огромный вклад в популяризацию идей Юнга и его последователей, значительно расширил круг приверженцев юнгианской психологии. Во второй половине 60-х и в начале 70-х годов Хиллман, вместе с группой единомышленников, начали создавать оригинальные идеи, впоследствии положенные в основу нового направления — архетипической психологии. Если с 50-х и до конца 60-х годов развитие творческих идей Хиллмана следовало основной юнгианской линии, то с начала 70-х годов он активно утверждает новый подход, представленный архетипической психологией. Зато с начала 80-х годов ослабевает дискурс вокруг архетипической психологии и нарастает «экопсихологический» подход, направленный на расширение традиционного места психотерапии (в кабинете), с обращением на преобразование мира, культурологическую перспективу.

Хиллман постарался извлечь психоанализ, психотерапию из контекста медицины и традиционной личной психотерапии, обращаясь к экологической перспективе в мире, в основу чего была положена интенция о «душе мира», неоплатоновской философии.

Основной модус архетипической психологии, по мнению самого Хиллмана, «образоцентрический», доминирующее место в архетипической психотерапии занимает активное воображение, трепетно-уважительное отношение к образам воображения. Хиллман полагал, что образоцентрическая психотерапия в последнее время стала активно проникать во внешний мир, где для неё ставится важная задача излечения «души мира»: если окружающая среда рассматривается как образная, люди реагируют на неё психологичнее.

Биографы выделяют четыре этапа в творчестве Хиллмана, тесно связанные с изменениями его профессионального окружения. Клиническая деятельность в Институте Юнга в Кюснахте; университетская жизнь в Америке с тогдашней интеллектуальной академической традицией; третий — период частной практики, отход от академической традиции; четвёртый этап — широкая публичная деятельность телеведущего, гостя многочисленных ток-шоу, писателя и лектора.

Что касается личной жизни, американский психотерапевт был женат три раза. Последней женой была Марго МакЛейн-Хиллман, которая пережила Джеймса. У него четверо детей от первого брака: Джулия, Карола, Сюзанна и Лоуренс.

Умер Джеймс Хиллман в своем доме в Томпсоне, штат Коннектикут, 27 октября 2011 года в преклонном возрасте 85 лет. Некоторые обозреватели средств массовой информации называли Хиллмана «Фрейдом XXI века».

Соционический анализ

Если обратиться к истории возникновения и развития аналитической психологии, станет ясно, что аспект интуиции времени (Δ), внутреннего фантазирования является в ней доминирующим, определяющим основу развития теории и техник данного направления. Несмотря на то, что А. Аугустинавичюте, находящаяся под большим впечатлением от хорошо структурированной книги «Психологические типы» [34], относила Юнга к — ЛИИ, более обоснованной представляется версия — ИЛИ (Δ ■). В личном развитии и практике швейцарский психотерапевт придавал важнейшее значение иррациональным практикам внутреннего фантазирования, творчества, имагинаций, разработал всемирно известную технику активного воображения [1, 7, 9], оказавшую большое влияние на развитие психотерапевтической практики.

Это обстоятельство помогает понять интерес к аналитической психологии одного из наиболее талантливых, выдающихся постъюнгианцев — Джеймса Хиллмана, творчески развившего наследие Юнга. Значительные акценты на внутренних образах, воображении, фантазии и архетипах, которые ставил швейцарский исследователь души (ИЛИ), не могли не заинтересовать Хиллмана, учитывая то значение, которое он также придавал воображению. Можно поставить вопрос иначе: как может найти, реализовать себя в мире смыслов бытия, информационных потоков талантливый носитель типа ИЭИ? Безусловно, одна из наиболее интересных, творчески насыщенных путей реализации — в развитии техник активного воображения, кристаллизации этого внутреннего мира в научных понятиях или художественных образах.

Потребность раскрыть в мельчайших деталях суть выражаемого информационного потока, его творческих возможностей, движет стремлением продолжить определённую традицию, раскрывающую такой тип способностей. Если Хиллман пришёл к этому при помощи идей и пути, намеченных Юнгом, то Толкиен открыл такую традицию в своей душе благодаря художественным произведениям, исследуя древние языки и мифы.

Не различая типов индивидуальности, информационных потоков, соответствующих им, многие люди не понимают, насколько серьёзен вопрос соответствия таким потокам, которые в некотором роде являются автономной, самостоятельной силой, выражающейся через соответствующие каналы-функции человека. Если ты попадаешь в этот поток, знаешь его семантику, его полноту, тогда твоё творчество, твоя деятельность получают высочайший результат и могут дать миру огромного значения творческий продукт. Юнг неоднократно отмечал, что восприни-

мает внутренние образы (архетипические) как самостоятельную силу, самовыражающуюся через человека — вполне современное (соционическое) различие психических функций и информационных аспектов. То же самое можно сказать о деятельности Хиллмана — мир образов, который он так высоко ценил, он ощущал как самостоятельную силу, самостоятельный потенциал, раскрывающийся через личность, или, напротив, как потенциал, позволяющий личности раскрыться.

В ходе психобиографического проведения соционической диагностики обратимся к фактам, позволяющим твёрдо установить психологический тип, носителем, выразителем которого был Хиллман. Сам американский психотерапевт в предисловии к его книге «Внутренний поиск: психология и религия», написанном в 1994 году, выразился так о написанной им работе: «Сам стиль изложения отражает стиль возвышенных проповедей и практических поучений, высокую серьёзность спасительной мысли — всё в одежде юнгианской чувствующей функции» [29, с.10]. Читая весьма эмоциональные книги Хиллмана, постигая его манеру воспринимать мир, вряд ли можно усомниться в одной из дихотомий — *этика*.

Сильнейшие акценты, которые американский психолог регулярно делает на воображении, оставляют мало шансов усомниться в другой дихотомии — *интуиция*. Четыре *гуманитария* являются *интуитивными этиками*: ЭИЭ, ЭИИ, ИЭИ, ИЭЭ. Диагностический выбор из четырёх *гуманитариев*. Можно предположить иные варианты, однако, если вникнуть в то, как высоко Хиллман ценит внутренние переживания, в которые он буквально погружён, вряд ли приходится сомневаться, что эта персона соционической диагностики — именно ИЭИ. Последующее изложение материала является доказательством этой истины.

Для понимания полноты информационного потока, на который были настроены «щупальца» ведущей психологической функции американского психотерапевта, обратимся к его работам. Идеи Юнга, направленные на логическое структурирование материала бессознательных фантазий, Хиллман трансформирует через своё информационное восприятие — обращает в русло субъективно-образного. Для Хиллмана значительно меньше устойчивых объективных истин, зато гораздо больше пространства душевного творчества, непосредственного переживания архетипических образов, обнаруживаемых везде. Для интегрального типа юнгианцев — ИЛИ, родственное творчество Хиллмана оказывается и сходным (Δ) и иным, напирющим на болевую *этику эмоций* (\blacksquare).

Широкая трактовка архетипа в архетипической психологии Хиллмана, с одной стороны, обеднила юнгианскую традицию, как объективно-научную линию, с другой стороны, обогатила феноменологически, наполнила новым содержанием постъюнгианство. Хиллман замечательно тонко, с соционических позиций, можно сказать, — экспертно, работал с пространством внутренних образов, отмечая разницу между неоформленным фантазированием и творческим воображением: «Вслед за фантазиями идёт воображение, которое превращает дневные сны и фантазии во внутренние ландшафты, куда человек может войти; они населены живыми фигурами, с которыми можно говорить, чувствовать, ощущать их присутствие. Это и будет психологическим внутренним поиском. Для такого воображения требуются большие усилия. Работа по преобразованию фантазий в воображение лежит в основе искусств. Она лежит также в основе новых шагов, которые мы делаем в жизни, поскольку картины нашего личного будущего приходят вначале в виде фантазий» [29, с.151]. Тонкие замечания об отношении к образам: «...взгляд на образ как на живое разумное существо, которое определяет жизнь нашей души, является одной из основополагающих истин» [26, с.19]

По роду деятельности, эмоционального задора в отстаивании этих идей Джеймса Хиллмана по праву можно назвать «рыцарем душевного образа», активным поборником идеи восстановления душевно-образного мира человека в нашем не всегда красивом, доброжелательном техногенном мире. Как и Джон Толкиен, он критиковал современный материально-техногенный мир, стремился восстановить бытие душевности-лиричности-имагинативности, АНИМАлистической (*anima* — в переводе с латыни означает душа, дыхание) наполненности окружающей действительности. Здесь его идеи доходят до радикализма, романтического максимализма [35–38].

Джеймс Хиллман в книге «Архетипическая психология» писал: «Метафорический подход, с помощью которого обыденные явления рассматриваются как образы, позволяет обнаружить «чувство и страсть» там, где картезианский ум усматривает лишь простое расширение обездушенных бесчувственных объектов. Таким образом, вынося психологию за стены консультационных кабинетов и лабораторий, поэтическая основа разума позволяет психологии выйти даже за пределы личной субъективности и уместиться в психологии предметов как объективизацией образов, обладающих внутренним миром вещей, как проявлений фантазии» [28].

Носитель психологического типа *Идеалист*, соционик Г. А. Шульман выделял и такую особенность этого типа: «...Созерцание. Тончайшее ощущение природы как Природы, органическое слияние с ней, ощущение этого слияния» [31, с.342], «По-видимому, именно здесь кроется объяснение феномена *антропоморфизации*, «очеловечивания» всего окружающего и каждого элемента этого окружения, — по-моему, у Аушры встречается сентенция типа «относиться к былинке как к живому существу». Это очень характерная присущность людей этого ТИМа» [31, с.342–343], «...Острое чувство Прекрасного, Поклонение Красоте, преклонение перед Нею» [31, с.343].

Эти определения превосходно объясняют «экопсихологические» интенции Хиллмана, в центре которых радикальное служение «душе мира», Женственному-Одушевляющему началу мира. Посмотреть вокруг, даже на хорошо знакомые предметы, явления, и найти, услышать, узреть там живое дыхание образности, эстетики, красоты, душевности, общезначимых архетипических, художественных символов и образов. Окружающее пространство надделено многозначными смыслами, открыть которые вовне — означает открыть их внутри, развить и расширить наше внешне-внутреннее душевно-психологическое пространство. Работа с внешними образами означает работу самопознания.

Интуитивные интроверты (ИЛИ, $\Delta \blacksquare$ и ИЭИ, $\Delta \blacksquare$) мыслят архетипами, т.е. легко осознают воображаемые внутренние образы и символические фигуры. Конечно, носители любых психотипов могут употреблять с пользой технику активного воображения, символдраму, просто у интуитивных интровертов мыслить имагинациями и архетипами получается естественным образом. О методе активного воображения из книги Джеймса Хиллмана «Архетипическая психология»: «Основная цель этого метода состоит в исцелении психики путём восстановления её в метаксе (серединая область), от которого она отошла, заболев буквализмом. Для того чтобы найти обратный путь к метаксе, нам необходимо иметь такую форму мифического воображения, которую использовал платоновский Сократ в качестве целителя душ. Это возвращение к срединной сфере вымысла, мифа, позволяет нам ознакомиться на уровне диалога с той Вселенной, в которой мы живём» [28, с.202]. Психолог признавался, что считает себя наивным реалистом, или феноменологом, однако со стороны реальности воображаемого считает целью своей работы позволить образам говорить, стать реальными.

Обосновывая своё понимание психического как опирающегося на поэтическую основу разумности, Хиллман так это определяет в программной книге нового направления «Архетипическая психология»: «Образ и душа: поэтическая основа разума».

Образ служит той данностью, с которой начинается архетипическая психология. Юнг отождествляет образ с психическим («образ — это психическое» — CW 13, pag. 75). Этот принцип был разработан и в архетипической психологии для обозначения того факта, что душа состоит из образов и преимущественно представляет собой деятельность воображения...», «Источником образов — образов-сновидений, образов-фантазий, поэтических образов — служит спонтанная деятельность самой души» [28, с.27].

Ещё в 1999 году в статье «Техника аналитической психологии» [9] автор этих строк высказывал мысль, что для развития кататимно-имагинативной психотерапии (психоанализ при помощи образов) важно ассимилирование творческого наследия Джеймса Хиллмана. Его концепция образной основы души превосходно дополняет это направление психотерапии. Позднее, в ходе углублённого анализа символдрамы (где своё авторство утверждал Х. Лейнер), был

сделан вывод о масштабных заимствованиях Х. Лёйнера [13], который многие идеи Юнга, связанные с теоретическим осмыслением и практическими техниками активного воображения, выдавал за собственные находки. Этот вопрос получил резонанс, отголоском чего стало переосмысление взаимоотношений между символдрамой и аналитической психологией, наиболее рельефно выраженное в статье Р. Болле «Сёстры-тени...» [2]. В этой статье немецкий психотерапевт излагает позицию автора этих строк об исторической близости, генезисе символдрамы от аналитической психологии, что позднее Х. Лёйнером (1919–1996) стало всячески замалчиваться.

В ходе изучения исторических материалов происхождения метода символдрамы, проведённого Р. Болле и др., официально нашли подтверждение ряд важных тезисов автора этой статьи. Оказалось, что проходивший личный анализ у Юнга Густав Шмальц разрабатывал вариант активного воображения, который очень похож на тот, который представил его ученик Х. Лёйнер. Однако Лёйнер обрывает генетическую связь научных идей, в текстах некорректно цитирует, всячески дистанцирует символдраму от родной почвы юнгианства. По нашему мнению, роль Лёйнера можно оценить в большей степени как активного популяризатора, чем автора метода.

Тем более смехотворно звучат заявления Лёйнера о том, что он «создал особый метод, необычайно красивый, эффективный и т.д.», разработал особую парадигму имажинативной психотерапии. Немецкий психотерапевт был участником боевых действий во время Второй мировой войны (на стороне фашистской армии), не удивительно, что пережитые тяжёлые стрессовые потрясения отложили значительный отпечаток на его психическом здоровье. В своих публичных заявлениях о «сделанных им открытиях», о необычайной красоте и перспективности имажинативного метода Х. Лёйнер, бессознательно идентифицировавший себя с Юнгом, буквально копировал каждое его слово, воспроизводил эмоциональное настроение швейцарского психотерапевта по поводу метода активного воображения. По нашему мнению, символдрама полностью базируется на методологических принципах работы с творческим воображением, открытых Юнгом, вплоть до заимствования деталей. Подробное изучение информационных аспектов, в русле которых реконструировалась аналитическая психология, помогает пониманию данных вопросов.

С одной стороны, Г. Шмальц и М.Л. фон Франц, поддерживавшие тесные контакты с Юнгом, развивали технику активного воображения [2]. Итогом работы Г. Шмальца стал вариант активного воображения, названный Х. Лёйнером символдрамой (термин взят из словаря Юнга) и представленный конкретными узко-очерченными техниками. С другой стороны, Джеймс Хиллман, А. Гуггенбюль-Крейг и другие единомышленники разрабатывали свои подходы к данным вопросам. Хиллман пошёл по пути широкого осмысления значения воображения, раздвинул границы психотерапевтической практики, в чём есть достоинства и недостатки.

Выраженный акцент, который делает Хиллман на образном начале психического, с одной стороны, сильная сторона его деятельности как психолога, тонко проникающего в мир душевного. С другой стороны, путь радикального распространения такого стиля — это абсолютизация одного из вариантов типологической самореализации. В этом плане Хиллман не смог удержаться на тех сильных позициях научности, которые завоевала аналитическая психология. В блоке реализации Идеалиста отсутствуют функции связи с реальным окружающим миром, в связи с чем люди этого типа порою просят других специалистов в каком-либо деле оценить сделанное ими. Вероятно, рядом с Хиллманом не было грамотного СЛЭ (●□), своим негативизмом и земной практичностью способного «приземлять» романтические фантазии американского психотерапевта, увлечённого поэтической идеей образного исцеления всего окружающего мира, радикального вынесения психотерапии за рамки психотерапевтических кабинетов.

Превосходный знаток юнгианской психологии (классической и постъюнгианской) В.В. Зеленский [12, 30] в предисловии к книге Дж. Хиллмана «Самоубийство и душа» отмечает: «Частично план Хиллмана состоит в том, чтобы встряхнуть нас интеллектуально, то есть

основательно «пощипать» наши застывшие схемы мышления с целью дать возможность пробиться «истинно» созидательной силе — «искре божией», или «душе», — и позволить ей найти свой собственный путь в рутинной каталогизированной системе верований» [30, с.34], «При прочтении любых работ Хиллмана временами кажется, что его прежде всего интересует разрушение традиционных теорий и догм, а не новые теории, появляющиеся вместо существовавших ранее, что для того, чтобы стать сторонником идей Хиллмана, надо быть «человеком баррикады» — быть постоянно готовым вести борьбу, нападать и т.д.» [30, с.35].

Тонкое наблюдение, удачные сравнения «пощипать интеллектуально», «встряхнуть застывшие схемы», с позиций модели А отображающие специфическое проявление активационной функции, — в данном случае, *интровертной логики* (\square_6). Тут верно сказано, что застывшие интеллектуальные теории именно «встряхиваются», а не отрицаются, не замечаются, как у ИЭЭ, у которого в модели А *интровертная логика* занимает место болевой функции (\square_4). Хиллман опирается на научные теории, но они не имеют для него определяющего значения, как имеющиеся в блоке реализации функции, зовущие к радикальному постулированию душевности во всём мире.

С другой стороны, слишком радикально, преувеличенно сравнение Хиллмана с «человеком баррикад», постоянно ведущим борьбу. Тем более слишком критично звучат такие слова В.В. Зеленского в том же предисловии: «Как мы видим, Хиллману недостаточно бросить свой разрушительный взгляд на такие земные предметы, как медицина, здоровье и лечение. В его работах постоянно повторяется и тема разрушения единого Бога, что, в отличие от взглядов Юнга, оказывается атакой и на единство Эго или самости» [30, с.44]. Важно понимать, что американский психотерапевт не разрушал своим взглядом медицину, здоровье, лечение или веру в единого Бога, а иначе подходил к оценкам этих вопросов, что нам помогает понять знание особенностей его психологического типа.

Начнём анализ этих особенностей интеллектуальной деятельности Хиллмана, вспомнив о его подростковом желании покинуть дом, родительскую семью и постоянно путешествовать. Такой вариант подросткового бунта, самоутверждения и поиска себя — доказательство своей взрослости. Превосходный знаток ТИМа *Идеалист*, Г.А. Шульман отмечает постоянную неуверенность представителей этого типа в себе, сомнения в своей нужности, поиск подтверждения значимости, а также частое ощущение вины, долга, гнёт «табу», «рамок», при невозможности их «разорвать». Верно во многом, однако «неспособность разорвать рамки» представляется преувеличенной. Наблюдение за поведением ИЭИ показывает, что многие представители этого типа и весьма дерзко могут себя вести, и нарушать «табу», и регулярно самоутверждаться и т.д.

Для Хиллмана был характерен определённый вариант лёгкого «бунта» против традиций (начиная с подросткового возраста), однако вряд ли это такое «приглашение на баррикады», «постоянную борьбу». В значительно большей степени американский психотерапевт просто раскрывает свою искренность, ведёт свою аутентичную линию, доводит её до крайности, нежели умышленно стремится «разрушить какую-то традицию». Читая тонкие, деликатные замечания Хиллмана о монотеизме и политеизме в предисловии к книге «Внутренний поиск», сделанные им в 1994 году, т.е. после написания более поздних политеистических работ, появляется уверенность, что он не «разрушает веру в единого Бога», а раскрывает психологические вопросы самореализации. Просто вопросы психологической самореализации имеют параллельную религиозную плоскость. Тут Хиллман хорошо понимает, что политеистические боги, которые, по его мнению позднего периода, лучше раскрывают вопросы самореализации, вовсе не мистические сущности, а метафоры.

Также и с «разрушением» медицины, здоровья, лечения — тут обнаружение других целительных перспектив, переосмысление традиционной модели лечения, а не «разрушение» такового. Например, что такое радикальный пересмотр психологии Хиллманом? Это отказ от ряда застывших академических догм ради... Ради того, чтобы психология, по Хиллману, рассматривалась в единстве с литературой, искусством, философией, повседневными событиями жизни вообще [35–38]. При этом психология должна заниматься именно душой, признать значение и самого термина «душа» и той реальности, которая за ним стоит, пока до конца не понятая и не определённая научно. Американский психотерапевт приходит к выводу, что психоло-

гию следует считать фундаментальной высшей дисциплиной, поскольку «психическое первично». Хотя в целом, проводя линию отождествления внутренних образов с внешней реальностью, Хиллман недостаточно проводит разграничение между уровнями. Психология, душевное оказываются везде, даже там, где философ или священник чётко выделяли бы духовное, не смешивая эти уровни бытия, как и анализа этих уровней.

Более детально рассмотрим такой критикуемый аспект работы Хиллмана, как его оригинальные взгляды на психопатологию. Здесь он демонстрирует позитивизм, присущий Идеалисту, т.е. оптимистично смотрит на психопатологические проявления человеческой психики, стремится в самых мрачных психиатрических проявлениях обнаружить позитив.

Изложение темы самоубийства Хиллман начинает с фразы: «Рассмотрение вопросов смерти и самоубийства означает нарушение табу. Вскрытие давно умалчиваемых тем требует немалых усилий, и чем надёжнее запоры, укрывающие их от взыскующего разума, тем настойчивее приходится действовать» [30, с.63]. Однако, опять-таки, такое нарушение «табу» важно не само по себе, а как утверждение ценности душевного опыта, исследования смерти как переживания, её ценности по отношению к ценности жизни. Идеалист отличается оригинальным взглядом, люди этого типа ценят творчество, оригинальность и искренность. Такая же установка заметна у Хиллмана по отношению к данной теме: «...следует подвергнуть медицину «испытанию на прочность» и помочь неклиническому анализу обрести свежее представление о психологии. Такая совершенно новая точка зрения возникает из специфики самих изысканий в области самоубийства как явления, переживаемого через видение смерти в душе» [30, с.62].

Если после прочтения процитированных вводных посылов автора к своей работе может возникнуть первое впечатление «некоего цинизма», в дальнейшем это впечатление меняется, потому что становится понятно, что психотерапевт-практик глубоко через себя пропускал данную тему, переживая её вместе с пациентами. Тут не может быть и речи о циничном отношении (к теме самоубийства). Скорее Хиллману необходимо было эмоционально выплеснуть свои переживания, глубоко его трогающие, переживания боли, деструктивных желаний пациентов.

Известна высокая чувствительность Идеалиста к переживаниям другого человека, умение поставить себя на место другого, отождествление с ним. Иногда это хорошо, иногда это плохо. Например, в ситуациях, когда нужна определённая психологическая дистанция от переживания душевной боли, смятения. Хиллман пишет в той же книге: «Таким образом, смерть пациента для аналитика — всегда его собственная смерть, его собственное самоубийство, его собственное поражение. Аналитик, вступающий снова и снова в отношения с людьми с суицидальными настроениями, вынужден проработать свою собственную смерть и собственные просчёты, так как люди, обращающиеся к нему для лечения, вызывают к жизни и собственные проблемы аналитика. Такое отношение отличается от установки врача, не рассматривающего болезни и жалобы, с которыми к нему приходят пациенты, как нечто принадлежащее также и ему самому. Уникальные взаимоотношения, устанавливающиеся у аналитика с другим человеком, в то же самое время не позволяют кому-либо ещё участвовать в данном случае с подобной степенью вовлечённости, так что аналитик переживает каждую смерть в одиночестве» [30, с.78–79].

В книге «Архетипическая психология» Хиллман отмечает, что это направление исследовало преимущественно депрессию, которая послужила основой ревизии социальных условностей, не допускающих таких чувств. Американский психотерапевт, являясь типологическим экспертом в области этики эмоций (L₂), смело исследует всю гамму эмоциональных проявлений, не боясь таких настроений как депрессия. Творческая вторая функция служит для активной работы по представляемому ею аспекту. Если Юнг мыслил дихотомиями логических понятий, то Хиллман часто мастерски употребляет дихотомии эмоциональных состояний, переживаний. Тематика депрессивного настроения исследована им с большими нюансами. Цитата из важной, программной работы «Архетипическая психология»: «Общество, которое не позволяет своим индивидам «нисходить в глубины», не может обрести свою глубину и должно постоянно пребывать в инфляционно-маниакальном состоянии духа, скрываемом под видом «роста». Хиллман (Hillman, 1975a, p. 98) связывает страх Запада перед депрессией с традицией героического Эго и христианского спасения через воскресение. «Депрессия всё ещё остаётся злейшим

врагом... Тем не менее благодаря депрессии мы погружаемся в глубины и там обретаем душу. Депрессия имеет существенное значение для трагического жизнеощущения. Она увлажняет иссохшую душу и осушает влажную. Она даёт убежище, устанавливает ограничения, сосредоточивает внимание, придаёт серьёзность, важность и привносит смиренную беспомощность. Она напоминает о смерти. Подлинная революция (на благо души) начинается у того, кто способен хранить верность своей депрессии» [28, с.63].

Несмотря на пояснение к цитате, всё-таки, что же такое хвалебные оды Хиллмана депрессии? Может ли соционика выступить инструментом для герменевтической расшифровки таких установок американского психотерапевта, придать большее понимание в далеко не столь однозначных и понятных его установках? Г.А. Шульман отмечает такую черту, особенность *Идеалистов*: «...необходимо отнести также случающиеся у них «полосы» невообразимой тоски и всепоглощающего — глобального, я бы сказал, — уныния...», «Это уныние может «нахлынуть» на *Идеалиста* внезапно и (с точки зрения окружающих) совершенно незаметно. Повлиять на это состояние бывает очень трудно, практически невозможно» [31, с.352].

Можно сделать вывод, что возможность временами погружаться в грусть, что-то такое, что внутренне присуще самой сути, идентичности *Идеалиста* и стремиться запрещать грусть, накладывать социальное «табу», воспринимать её как отрицательную ценность, означает отрицать какую-то важную часть этого психологического типа. Похоже, что в депрессии зарождается что-то позитивное, новое, рождается позитивный ресурс, что осознал Хиллман, вещая такую парадоксальную истину. Важно принимать такую особенность Идеалиста, как рекомендует американский психотерапевт, тогда легче найти выход из настроения тоски и уныния, обрести новое рождение жизненных вдохновений.

Известно, что печаль может быть светлой, может хранить осознание ценности жизни, которая рождается в этой светлой печали. Хотя, к сожалению, в этом есть и отрицательная возможность быть затянутым в пучину уныния, что служит частой причиной алкоголизации. Исследуя сравнение ролевых сценариев (базисных архетипов) и психологических типов, удалось прийти к выводу, что *Идеалист* точно соответствует Сыну-Гефесту [10]. Этот архетипический сценарий тесно связан с творчеством. Можно прийти к выводу, что из пучины уныния, всеохватной тоски Идеалиста может лучше всего вывести творчество, отображающее рождение нового, появление на свет совершенно нового продукта. Если Сын-Гефест — это Ребёнок, то его глубинная суть рождаться и творить рождение в самом себе.

Собственно, Хиллман регулярно демонстрировал рождение нового, появление оригинального взгляда, отличающегося от стереотипов (вместе с тем, для него был более актуален ролевой сценарий Учителя-Гермеса). Творческое воображение, творящее образы, обращается не только к внутреннему миру, образность обнаруживается во всём, во внешнем мире, в каждой вещи. Внешний мир наполняется Эросом, т.е. любовным отношением, любовью к жизни. Поэтико-лирическое мироощущение обозначает настроенность *Идеалиста* на восприятие поэтически-образной реальности внутреннего мира, что выступает для этого типа как сама суть. В работе «Исцеляющий вымысел» [25] американский психотерапевт показательно демонстрирует и субъективную релятивизацию его понимания психотерапевтического процесса, и весьма тонкий анализ литературно-архетипических сюжетов практической психотерапии. В работе «Чувствующая функция» он метко подмечает: «...следовало бы просто признать чувственные притязания разных богов и найти правильный подход к этому архетипическому фону существования» [27, с.103]. С одной стороны, уходя от объективной научности (*логики*), предельно расширяя, релятивизируя понятие «архетип», Хиллман через чувствующую функцию (*этику*) приходит к пониманию важнейшего значения выделения объективной структуры поведенческих паттернов.

Джон Рональд Руэл Толкиен (1892-1973)

Биографическая информация

Джон Рональд Руэл Толкиен — знаменитый английский писатель, один из родоначальников жанра фэнтези, доктор литературы, профессор, филолог-лингвист, художник. Он является одним из создателей Оксфордского словаря английского языка. Знаменитость писателю принёс роман-трилогия «Властелин колец» (1954), также он является автором романа-сказки «Хоббит» (1937), мифологической эпопеи «Сильмариллион» (1977), автор рассказов и др.

Родился будущий знаменитый писатель 3 января 1892 года в Блумфонтейне (Южная Африка). Отец Джона — Артур Руэл Толкиен, служащий в банке Бирмингема, с семьёй он переезжает в Южную Африку в поисках лучшей жизни. Мать будущего писателя — Мэйбл Саффилд. В 1894 году в семье Толкиенов родился второй сын. Однако счастливой семейной жизни в Южной Африке мешала жара, плохо сказывающаяся на здоровье двоих маленьких детей. Поэтому приняли решение уехать назад в Англию.

Мать старалась развивать сыновей, Джон к четырём годам умел читать и писать некоторые буквы. Мэйбл Саффилд получила хорошее образование: владела французским и немецким, знала латынь, хорошо рисовала, а также играла на фортепиано. В феврале 1894 года Артур Толкиен тяжело заболел и скоропостижно умер от сильного кровотечения. Так дети потеряли в раннем возрасте отца, а вся забота, по их воспитанию легла на плечи матери — она с любовью отдавала детям свои знания, большую образованность.

Понятно, что интерес к литературе и искусству у будущего писателя пробудила мать Мэйбл, а также большое влияние на его личность и будущие профессиональные интересы оказал дед Джон Саффилд, высоко ценивший свою родословную умельцев-гравёров. В этом можно проследить прямую линию интереса Джона Толкиена к истории и мифологии. Особое значение на творчество будущего писателя оказал переезд в деревушку Сэрхоул, куда Мэйбл перевезла детей из Бирмингема. Здесь маленький Джон заинтересовался удивительным миром деревьев, стремясь понять все их тайны, ощущая одушевлённость этого природного мира. Мотив одушевлённых деревьев широко представлен в творчестве писателя.

К сожалению, Джону вместе с братом довелось пережить не только раннюю потерю отца — вскоре после того как Джону исполнилось двенадцать лет, он потерял мать, умершую от диабета в 1904 году. Эти ранние психологические травмы, вероятно, послужили основой драматизма ряда эпизодов «Властелина колец», насыщенности трилогии драматическими сценами, а также могли стать основой определённой скрытности великого писателя, его высокого стремления к уединению в своём уютном мире.

После смерти матери Мэйбл опекуном детей стал их дальний родственник, священник отец Френсис. Братья переехали в Бирмингем, сохранив тоску по холмам и полям, природе. Подростком Джон ищет привязанности, людей, которым можно довериться, страстно пробует себя в творчестве, частично компенсируя в этом своё желание найти близкого человека, которому можно доверять. Он увлекается рисованием, в чём обнаруживаются замечательные способности. Однако ещё больший интерес Джон проявлял к филологии, чем поражал учителей. Талантливый подросток проникнулся интересом к древнеанглийской поэме Беовульф, к средневековым преданиям о рыцарях Круглого стола (легенды о короле Артуре), приступает к самостоятельному изучению древнеисландского языка, изучает немецкие книги по филологии. Филология и лингвистика до такой степени увлекают Джона, что он пробует себя в создании нового языка, названного им «невбош», что означает «новая чушь». Талантливому юноше помогает его кузина Мэри, вдвоём они сочиняют курьёзные лимерики, знакомятся с творцами английского абсурдизма.

Глубоко проникаясь изучением староанглийского, древнегерманского, древнефинского, исландского, готского языков, юный полиглот древних лингвистических творений проникается особым интересом к сказкам и легендам, отображаемым в этих древних языках. Так, уже в юном возрасте раскрываются его будущие профессиональные интересы, целиком поглощающие Джона. В любовной жизни юного Толкиена ждала большая удача — в шестнадцать лет

Джон встретил свою первую любовь Эдит Брэтт, с которой впоследствии прожили долгую и счастливую жизнь. Такая быстрая ранняя удача в любви, отсутствие в жизни Джона периода поисков партнёра, возлюблённой, в определённой степени может объяснить такую в некотором роде целомудренно-идеалистическую направленность его произведений, почти полного отсутствия в них развёрнутых описаний «взрослых» тем.

Через пять лет после встречи Джон Толкиен и Эдит Брэтт поженились, впоследствии у них родились трое сыновей и дочь. Но не сразу к влюблённым пришло семейное счастье — пришлось пройти через полосу испытаний. За тот период Толкиену пришлось дважды переболеть сыпным тифом, пережить ужасы Первой мировой войны, пронести любовь через неприятие будущей жены Эдит отцом Фрэнсисом, а также пережить неудачную попытку поступить в Оксфордский университет.

После поступления Толкиена в Оксфорд он знакомится с профессором Джо Райтом, направившим его на занятия кельтским языком. Также Джон увлекается театром, играет театральные роли, к своему совершеннолетию написал пьесу для домашнего театра. После начала Первой мировой войны в 1914 году Толкиен решил идти добровольцем в армию. После прохождения военной подготовки он удостоен звания младшего лейтенанта и направлен на службу в полк ланкаширских стрелков. Вскоре после женитьбы, состоявшейся в марте 1916 года, Толкиен идёт в первый бой. Однако вскоре он возненавидит войну и все её ужасы после пережитого побоища на реке Сомме, где погибли десятки тысяч его соотечественников. Этот тяжёлый опыт стал основой литературного творчества будущего писателя: в дневнике он записал: «возможно, без солдат, рядом с которыми я воевал, не стало бы страны Хоббитании. А без Хоббитании и Хоббитов не было бы Властелина колец».

В период лечения от тяжёлого сыпного тифа просыпается его писательский талант, Джон делает первые наброски эпопеи Сильмариллион, повествующей о трёх волшебных кольцах всемогущей власти. В 1918 году закончилась война, и Толкиены семьёй (уже родился первый сын) переселились в Оксфорд. В 1924 году Толкиен утверждён в звании профессора, а в 1925 получает кафедру англосаксонского языка в Оксфорде. Продолжается работа над Сильмариллионом. Научные работы лингвиста Толкиена отличались образностью писателя, также он увлечённо иллюстрировал много своих сказок, часто изображал деревья в очеловеченном, одушевлённом виде. Наиболее известные книги английского писателя — «Хоббит» и «Властелин колец», писались с 1925 по 1949 годы, они тематически взаимосвязаны. «Хоббит» выходит из печати в 1937 году, и первое издание было быстро распродано, книга получает премию издательства «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» как лучшая книга года. Книга становится бестселлером. Жизнелюбивая трилогия «Властелин колец» писалась во времена Второй мировой войны, и в романе получают отображение предупреждения писателя об опасности, таящейся в безграничной власти.

В 1954 году вышли первые два тома «трилогии», а в 1955 выходит и третий том «Властелина колец», сразу же завоевавшего сердца критиков и миллионов читателей. Книга стала культовой для молодёжи многих стран, по всему миру молодёжь открывает клубы «толкиенистов», устраивают ролевые игры на основе образов великой трилогии. На основании сюжетов произведений английского писателя снимаются фильмы, становящиеся событиями. Творчество Толкиена и масштаб его влияния вызывают несомненный исследовательский интерес.

В последние годы жизни великий писатель был окружён всеобщим признанием, хотя уклонялся от публичности и повышенного интереса к его персоне. В 1972 году он получил звание доктора литературы от Оксфордского университета, а в 1973 Королева Елизавета удостоила особой чести, вручив орден Британской империи второй степени. 2 сентября 1973 года в возрасте восьмидесяти одного года Джон Рональд Руэл Толкиен умер в Борнемаусе, оставив после себя удивительное литературное наследие.

Соционический анализ

Творчество Джона Толкиена чрезвычайно интересно изучить по нескольким причинам. Сам по себе такой массовый феномен культуры интересен исследователю психологических яв-

лений — важно дать пояснение такому высокому интересу к сказочному миру Толкиена. Тем более, что сама литературная программа писателя, реализованная в практике его художественных образов, это в определённом роде воплощение юнгианской психологии, где придаётся особое значение миру воображения, раскрытия внутренних образов души. В таком плане литературная история творчества родоначальника фэнтези и история развития юнгианских идей могут быть в данном случае сопоставлены общими точками соприкосновения.

Версия в «Списке знаменитостей» в книге «5000 лет информатики» [4] Игоря Вайсбанда (со ссылкой на Кочубееву и Стоялову, 32% вероятность) — ИЛЭ (▲□). В 2010 году эту версию отстаивали Л. Кочубеева и М. Стоялова (голосование на одном из сайтов). Такой же версии придерживаются авторы многочисленных статей по соционике А.Ю. Петров и А.А. Шмойлова. Версию ИЛЭ они отстаивают в статье «Исследование социотипа Джона Рональда Руэла Толкиена» [18], опубликованной в 2006 году, приводя много параллелей из литературы жанра фэнтези, в чём авторы, безусловно, весьма эрудированны.

А.В. Букалов и эксперты МИС утверждали [3] в 2009 году, что Толкиен носитель типа ИЭИ (Δ■). Такой же версии придерживается известный исследователь знаменитостей В.Л. Таланов. Однако детального обоснования версии они не представили. На известном соционическом форуме сайта «Клуб Квадра: психология и соционика» большинство проголосовавших (в теме о типе Толкиена) высказались за версию ИЛЭ. На других сайтах, где есть опросы, каждый год появляются разнородные версии, высказываемые любителями или известными социониками. В настоящее время нет единого мнения о психологическом типе английского писателя, что делает актуальным проведение нового диагностического исследования, а также, на основе такого исследования, изучение ряда взаимосвязанных вопросов. В этом очерке будет последовательно доказано, что писатель Дж.Р.Р. Толкиен является носителем ТИМа ИЭИ (Δ■, «Идеалист»).

Хотя многие писатели-фантасты принадлежат к типу ИЛЭ (▲□, «Новатор»), в данном случае сложно согласиться с такой типологической версией ряда экспертов. Прежде всего, необходимо отметить, что сам жанр фэнтези, одним из первооткрывателей которого является Толкиен, значительно отличается от жанра научной фантастики. Здесь отсутствует логика развития событий, или она минимальна. В жанре фэнтези доминирует субъективность, субъективная фантазия автора. Если писатели-фантасты чаще всего развивают, разрабатывают новаторские научные идеи, гипотезы или сами продуцируют таковые, изображают фантастические миры, опирающиеся на факты и теории, то авторы жанра фэнтези изобретают особый внутренний мир, порою мало похожий на реальность. Это скорее мир мифологии, сказки, субъективного вымысла, однако очень насыщенный внутренним содержанием, наполненный множеством смысловых оттенков.

Субъективная история исследована в произведениях Толкиена. Его миссия в мире может быть определена (условно) как ре-анимирование душевного при посредничестве художественных образов внутренней реальности, живописания красот внутреннего мира, материализация этих внутренних красот в мире. Описывая проявления *этики эмоций* (■) *Идеалиста*, соционик Вера Стратиевская в одной из её книг тонко подметила, что для ИЭИ настроение — это нечто материальное, как произведение искусства. Таковы образы произведений Толкиена, с многокрасочными картинками, переливающимися различными мелодиями, красками, оттенками, лирико-поэтическими интонациями — это целые воображаемо-реальные миры, материализованные талантом писателя. В силе его умения материализовать воображаемые образы заключается причина необычайной популярности произведений писателя. Здесь лиризм откровений души представлен в масштабном, развёрнутом виде, экспрессия внутреннего самовыражения, вытесняющая внешнее восприятие.

Анализируя психологические особенности творчества Толкиена, в определённом смысле можно солидаризироваться с концепцией Хиллмана, расширившего представление о психотерапии и психологии, мыслившего психологию в единстве с литературой, искусством, жизнью вообще. Биограф английского писателя Майкл Уайт замечательно психологично отмечает мо-

тивы, которые могли двигать Толкиеном при создании его великих фантастических миров. В книге «Джон Р. Толкиен. Биография» Уайт пишет: «...в данном случае важно то, что прототип своего воображаемого мира Толкиен создал ещё в раннем детстве. Основой всей сложнейшей альтернативной реальности Средиземья стала игра детской фантазии. Толкиен сберёг в памяти незатейливую сказку своего детства и преобразил её в невероятно увлекательную и правдоподобную мифологию, по сей день потрясающую воображение читателей» [23, с.95]. Положительная регрессионность характерна для произведений Толкиена, для всего жанра фэнтези, обращение к опыту детства, к оси времени. Оттуда черпается вдохновение. ИЛИ (Δ■) воспринимает ось времени через мудрость пожилого человека, ИЭИ (Δ■) — глазами ребёнка, с новизной и эмоциональностью. Хиллман высказывался в духе изменения отношения к воспоминаниям детства в терапии и педагогике, поскольку выработался культурный стереотип восприятия детского опыта как чего-то «плохого» [26, с.14].

Трагедия, пережитая Джоном в подростковом возрасте, оставила глубокий отпечаток и на его жизни и на всём его творчестве. Анализируя мотивы, побудившие Толкиена создать такой реалистичный вымышленный мир, Майкл Уайт упоминает о школьной дружбе четырёх товарищей кружка ЧКБО, куда входил и Джон. Они встречались в библиотеке школы за чашкой чая и делились своей твёрдой верой в своё высокое предназначение. В последний раз все четыре друга собрались вместе в 1914 году, на рождественских каникулах у одного из друзей (Кристофера Уайзмана). К тому времени они уже были студентами авторитетных университетов. Несколько дней они провели в беседах о творчестве, искусстве, политике, о своих планах на будущее. Время было тяжёлое — они готовились идти на войну.

За один год не стало двоих из компании друзей, а двое других пережили тяжёлое потрясение. За несколько дней до своей гибели Дж.Б. Смит писал Толкиену взволнованные строки о том, что их братство осталось нерушимым несмотря на трудности, а тем, кто останется в живых, предстоит жить за погибших и воплотить в жизнь их мечты, чем все могли бы гордиться. Это письмо и скорая гибель Смита сильно затронули Толкиена — уже через несколько дней возникли первые фрагменты его великой мифологии. Однако Уайт справедливо полагает, что ещё более глубокая привязанность стала опорой того интереса, который Толкиен испытывал к мифологии, к древним культурам. «Любовь к матери Толкиен пронёс через всю жизнь, и до конца своих дней он был твёрдо убеждён, что Майкл Толкиен умерла молодой по вине тех, кто отверг её из-за обращения в католицизм. Этим убеждением питалась и вера самого Толкиена. По-видимому, именно оно и привело к тому, что одной из основ его жизни стала глубокая религиозность» [23, с.101–102].

Уайт предполагает, что юный Джон мог затаить неосознанную обиду на церковь, на католичество, а его увлечение языками, древней мифологией, открывшееся почти сразу после смерти матери, могло стать попыткой возвращения в тот мир прошлого, где мать была жива. «Иными словами, это мир раннего детства, мир, в котором Толкиен жил до того, как его мать обратилась к религии, быть может, Сэйрхоул или Блумфонтейн, где его мать была ещё молодой и здоровой и ничто не нарушало их семейной идиллии. Садясь за пишущую машинку или принимаясь за очередную иллюстрацию к своим книгам, подсознательно Толкиен всякий раз возвращался в эти блаженные, чистые времена и в материнские объятия» [23, с.102].

Г.А. Шульман отмечает как специфическую черту *Идеалиста* трудное прощение обид [31]. В этом плане, возможно, версия автора биографического труда верна, и Толкиен, действительно, бессознательно чувствовал обиду, что стимулировало его фантазию и творческое воображение, направленные на возвращение в светлое прошлое. Вместе с тем, он стал глубоко религиозным человеком, тут можно усмотреть идентификацию с любимой матерью, только принявшей католицизм и умершей вскоре — желание реализовать за неё это намерение, что характерно и в случае с братством друзей. Мотив сопричастности весьма важен для Идеалиста, люди этого типа обладают способностью быстрого отождествления себя с ситуацией, другим человеком, «примеряют на себя» развитие ситуации, особенно, если это значимые люди. Тут в значительной степени проявления типных особенностей, хотя их превосходно подметил биограф, не знающий соционики.

Вместе с тем, версия Уайта о таких личностных мотивах интереса Толкиена к мифологии, древним языкам, лишь отчасти верна. Это те причины, которые способствовали раскрытию более глубинных, фундаментальных особенностей — типности и возможных направлений развития заданной типологической модели. Вместе с названными, одним из важнейших мотивов работы над созданием новой литературной мифологии являлось желание заполнить большой пробел, существовавший в английской культуре. Изучая древние культуры, Толкиен пришёл к выводу, что в Англии так и не сложилось полноценной мифологической системы, какие представлены в древней литературе других народов. Он решил, что сможет заполнить этот пробел, был уверен в успехе. В этой уверенности нет ничего удивительного, это означает, что Толкиен хорошо знал свои способности и возможности — умение необычайно живо фантазировать и структурировать своё воображение в гармоничные, пронизанные лиризмом и полной чувств литературные формы.

Вопрос для соционической психоистории: почему в Англии, имеющей такую давнюю историю, не возникло полноценной литературной мифологии? Можно ли это объяснить интегральным типом Великобритании — ЛСЭ (■○) и влиянием квадры Дельта, у которой *интуиция времени* (Δ) находится вне ценностей?

Пришло время уделить внимание истории жанра фэнтези, продемонстрировать отличия фэнтези от фантастики, назвать имена наиболее известных авторов и особенности этого стиля творчества, психологические особенности воздействия на читателя. Для соционического историка важно было бы установить тёмную принадлежность ключевых авторов жанров фэнтези и фантастики, установить качественные отличия. Это работа на перспективу, для тех, кто будет развивать исследования в области соционической истории.

Во времена, когда будущий великий писатель только начинал свою творческую карьеру, жанр фэнтези (в английском литературоведении именовались «художественными фантазиями», «романтическим эпосом») были представлены незначительно. В то время они не отделялись от более развитого жанра научной фантастики. Литературоведы пока не пришли к единому мнению, кого можно считать родоначальником жанра фэнтези. Одним из первых авторов этого жанра был древнегреческий писатель Лукиан Самосатский, живший во II веке н. э. Его сатиры послужили моделью для последующих эпох писателей этого жанра. Знаменитый английский писатель-гуманист Томас Мор возрождает стиль Лукиана, пишет известную книгу «Утопия», которая, в свою очередь, послужила моделью для написания утопии «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы и др.

В более новые времена начал появляться ряд близких жанров литературы. Джонатан Свифт в 1726 году пишет знаменитое «Путешествие Гулливера», которое и в наше время находит много читателей среди детей и взрослой читательской аудитории. Любопытные произведения близкого стиля: «Подземное странствие Николая Клима» Людвиг Хольберга, «Микромегас» Вольтера, знаменитый ужастик «Франкенштейн» Мэри Шелли, возрождённый современным кинематографом. Вальтер Скотт признаётся внесшим значительный вклад в развитие жанра фэнтези — ряд разработанных им элементов литературных форм вошли в репертуар современной эстетики, прежде всего, помещение действия в обстановку «альтернативного Средневековья». Вспомним многие современные компьютерные игры.

Как отдельный жанр, научная фантастика особенно активно выходит на сцену благодаря таким писателям, как Жюль Верн и Герберт Уэллс. В конце XIX века начинается отделение стиля фэнтези от научной фантастики. На рубеже XIX–XX веков лорд Дансейни был одной из наиболее влиятельных фигур фэнтези, он написал около семидесяти книг. Будущий создатель «Властелина Колец» читал произведения Дайсейни, следил за его творчеством, порою критически отзывался. Однако большее влияние на Толкиена оказал Уильям Моррис, творец оригинального «альтернативного мира» в литературе — от него автор Средиземья научился многому. Другие писатели, которых стоит вспомнить, как творцов жанра фэнтези: Генри Гайдер Хаггард, популярный писатель XX века, которым увлекался в своё время Юнг; Эдгар Райс Берроуз, совмещавший фэнтези и научную фантастику; Джеймс Бренч Кэйбелл, автор «альтернативных Со-

единённых штатов Америки», естественно, литературных; а также Эрик Раккер Эдисон, в 1922 году опубликовавший любопытный роман «Червь Уроборос».

Это лишь краткий обзор истории жанра фэнтези, чтобы очертить общие границы, а для систематической разработки соционической психоистории, конечно, потребуется более детальное изучение авторов данного жанра и исследование их психологических типов. Майкл Уайт отмечает, что Толкиен не интересовался творчеством таких писателей, как Ч. Диккенс, У. Шекспир: «Его привлекала главным образом возможность творить языки и на их основе «сотворчествовать в создании» культурной традиции и мифологии вымышленных народов» [23, с.113]. Иначе говоря, Идеалистом Толкиеном двигала типологическая потребность рождаться и помогать рождению новых миров, сотворчествовать в этом. Образное эссе о ТИМе ИЭИ соционик Татьяна Меньшова в книге «Театр соционики. Серпантин, или Предсказатели солнца» называет «Помогите мне родиться, или Диалог с собственным отражением» [14, с.102].

Исследователи отмечают высокую популярность жанра фэнтези у детей и подростков [6], герои фэнтези учат различать добро и зло, успешной адаптации, взрослению. По мнению ряда исследователей [5], фэнтези следует отличать от сказки (как вымысла), поскольку здесь оформлено неомифологическое пространство, выступающее для субъекта как реальность.

На русский язык «Властелин Колец» [19] впервые начали переводить в начале и середине 80-х годов, тогда же начинается увлечение Толкиеном русскоязычных читателей, формируется русскоязычная толкиенистика [32]. В русле социальной толкиенистики, некоторые авторы объясняют высокий интерес к произведениям писателя в России постперестроечного периода стремлением заполнить философский вакуум после падения коммунизма [32, с.238], что звучит обоснованно. С позиций интегральной соционики, российскому этносу ценностные и мировоззренческие установки английского писателя могут быть близки, понятны, ценностно значимы, нести высокий целительный эффект.

Проведём анализ сюжетов основных произведений Толкиена [19–22]. Важно отметить, что они необычайно богаты архетипическим содержанием. В этой связи Майкл Уайт замечает: «Книги Толкиена завоевали столько поклонников отчасти и потому, что автор их инстинктивно понимал и воплощал в своих книгах юнговскую концепцию архетипов» [23, с.302]. Во временном аспекте литературоведы выделяют три пласта основных произведений английского писателя: мифологический пласт с эпохой первопредметов, перводействий, когда было создано Кольцо Всевластия; эпический пласт, когда активно действуют герои, например, такие как Арагорн; романский пласт, где наиболее активны сюжетные линии с Фродо. Последний временной уровень, где появляются хоббиты, близок к структуре реалистического романа, где большую роль играет психология главных героев, реальные проблемы, с которыми им приходится сталкиваться.

Большую роль в трилогии «Властелин Колец» играет мотив путешествия, что на психологическом уровне является метафорой жизненных изменений, обретения самого себя в исторической перспективе. Ряд литературоведов отмечают, что сюжет в трилогии может быть интерпретирован «как символ искупления грехов предыдущих поколений, допустивших появление Кольца Всевластия в мире» [33, с.81]. Историческое время, естественно, актуализировано в пространстве аспекта внутренней *интуиции* (Δ), в то же время ИЭИ обзревает субъективную историю, что хорошо прослеживается в произведениях Толкиена. Он создаёт точную и выверенную хронологию времени в этом искусственном мире произведений, выделяет этапы, кроме того, литературоведы выделяют постоянное изменение течения времени в его текстах [33, с.81].

Во «Властелине Колец» происходит определённая перекличка с тетралогией «Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера — источником обоих произведений послужили образы «Эдды» и «Песни о Нибелунгах», но у Толкиена нравственному значению «проклятого золота» придаётся большее значение. Во «Властелине Колец» Фродо отправляется в тяжёлое путешествие для того, чтобы избавить мир от Кольца Всевластия и символизированного этим талисманом зла мир, он в некоем роде символизирует Христа, искупающего грехи мира в крестных муках. Кольцо Всевластия служит символом искушения, его сила может подчинять себе любого, в трилогии

испытание могуществом Кольца проходят почти все основные действующие лица. Здесь настойчиво звучит тематика власти, актуальная для беты, в психологической подаче Идеалиста.

Хоббиты — особый народ, появляющийся в трилогии. Ростом в половину меньше, и внешностью (добродушные лица, упитанные животики), а также характером с любовью к земле, медлительностью и др., они отличаются от могучих обитателей Средиземья. Они далеки от мира сражений, подвигов, путешествий, но от них зависит судьба мира. Что психологически может означать такой образ хоббитов, особого народа? Тут можно обнаружить прямую аналогию с тем, как *Идеалист* переживает себя в мире других людей — как такого добродушного, привязанного к земле, материнскому миру, человека с определённым чувством неуверенности в себе, робости. Однако *Идеалист* знает цену своему богатому внутреннему миру сокровищ, который он так трепетно лелеет.

Как значимый психологический образ, особо хочется выделить акцентированные писателем особые домики хоббитов, тесно встроенные, будто вросшие в землю. Такой образ трактуется в психологическом плане как тесная взаимосвязь с материнским миром, желание материнской поддержки, что, как мы знаем, для Толкиена было очень важным. Однако это не только личный образ, это скорее типологический мотив, значимый для ИЭИ. В целом хочется отметить, что произведения Толкиена необычайно богаты архетипически-образным материалом, что вполне может быть использовано в практике психотерапии и психокоррекции, особенно в русле юнгианского психоанализа (символдрамы), гештальттерапии и близких.

Средиземье, где разворачивается действие трилогии «Властелин Колец», — огромный мир со своей географией, историей, со своей системой образов, совершенно неповторимых и удивительных. Сумрачный лес, Туманные горы и много других, открывающих перед читателем красоты архетипического мира внутренних образов. Этот мир зачаровывал писателя, в некотором роде так, как выражался Юнг, что писатель творит из архетипа, не может не творить. Майкл Уайт замечает: «Толкиен писал свои книги потому, что *не мог* не писать. Ему необходим был вымышленный мир, в который он мог погрузиться с головой. Поэтому обращаться с этим миром ему приходилось честно, прямо и откровенно» [23, с.265]. Феноменологический опыт говорит о справедливости утверждений социоников о «переполняющей» человека ведущей функции, с которой он всю жизнь разбирается, стремится «усмирить» поток четырёхмерной информации.

Болевой канал, точка наименьшего сопротивления у Идеалиста — это *экстравертная логика* (■), логика конкретных технологий, прагматических действий, технического прогресса и рационального управления. Против всего этого резко протестовал Толкиен, как и против всего XX века в целом — современность ему представлялась, по словам его сына Кристофера, неким механизмом. Толкиен был экологом, защитником необъяснимого, врагом технического прогресса, пацифистом, а также поклонником ручных ремёсел, что нашло отражение во «Властелине Колец».

Идеалист тоже творит, но создаёт свои «технические» творения иначе. Образ Кузнеца нашёл отображение в творчестве Толкиена, в одном из его наиболее известных рассказов. Кузнец — это в данном случае, метафора *Идеалиста*, того, кто создаёт вещи из чувств, кто создаёт произведения искусства, образы-идеи, материализующиеся в реальном мире. В рассказе «Кузнец из большого Вуттона» Толкиен пишет: «Малые Напасти избегали света звезды, от Больших же Бед Кузнеца оберегала неведомая сила. И он не скрывал своей признательности за такую заботу, ибо к нему пришла мудрость и он постиг, что к чудесам Волшебной Страны так просто не подступиться и что против многочисленных Напастей с кулаками не выйдешь — против них потребно оружие, овладеть которым смертному не дано. Он приходил не как воин, а как любознательный ученик. Со временем он узнал достаточно, чтобы выковать оружие, равного которому у людей никогда не было, оружие, на которое не хватило бы королевской казны и о котором слагали бы песни и предания; но он к тому вовсе не стремился, ведь в Волшебной Стране его научили смотреть на всё иначе» [21, с.127].

Любопытнейший фрагмент, раскрывающий важные аспекты символа (именно символа вообще) Кузнеца, и типологические качества ИЭИ с ценностными особенностями беты. Кузнец может выковать диковинное оружие, равного которому у людей никогда не было, но в то же

время Кузнец живёт другими ценностями, это же миролюбивый *Идеалист*. ИЭИ по внушаемой функции (*волевой сенсорике* ●₅) собирает информацию о силовых видах воздействия, для него это имеет ценностное значение, он способен создать оружие, только не этим живёт *Идеалист*. Как же тогда трактовать это особое оружие? Тут и прямая трактовка будет уместна и метафорическая — как инженер, мастеровитый творческий человек, *Идеалист* способен создать реальное оружие, но больше в таком «оружии» метафорического значения, это «оружие» эмоционального воздействия, способное позитивно воздействовать на врага, вызвать примирительный резонанс.

Для характеристики болевой точки английского писателя ещё один пример. Цитата Майкла Уайта: «Автор «Хоббита» был человеком требовательным вплоть до придирчивости, и сотрудничать с ним было очень тяжело. Кроме того, он был, что называется, «не от мира сего», и встать на точку зрения человека, работающего в издательском (как, впрочем, и в любом другом) бизнесе, было выше его сил: мир бизнеса был ему чужд и неприятен» [23, с.198]. Ряд критиков полагали, что «Властелин колец» является критикой современной цивилизации с её технократическими ценностями, является неким авторским кредо, манифестом, призывающим к возвращению в прошлое, в мир душевности, природы, лиризма и экологического сознания [39, 40 и др.]. Как это близко к установкам Джеймса Хиллмана, особенно в его поздний период развития, экологический и глобально-анимистический.

Тем не менее, несмотря на такую манифестацию экологического сознания, пацифизма, трилогия наполнена большим количеством жестоких батальных сцен, развёрнутых, носящих эпический характер. Эту особенность можно трактовать с нескольких точек зрения. С одной стороны, английский писатель участвовал в войне, пережил тяжёлые потрясения из-за смерти своих друзей, т.е. пережил тяжёлый личный опыт, который находил воплощение в эпизодах его книг. Частично это, вероятно, снимало душевную боль от пережитых травм-воспоминаний, служило катарсисом, отчасти это был тот реальный опыт, хорошо познанный, с которым писателю хотелось поделиться как с чем-то достоверным, прочувствованным. С другой стороны, для беты волевая сенсорика входит в ценности, вопросы борьбы, боевых действий вызывают интерес, привлекают внимание. Сочетание личного опыта и типологических ценностей послужило причиной наличия в трилогии такой насыщенности батальных сцен.

Кузнец куёт в своей кузнице, где горит огонь, способствующий творческим деяниям. О внутреннем свете и сотворении Сильмариллов так пишет английский писатель в романе «Сильмариллион»: «В те времена были созданы самые знаменитые из творений эльфов. Ибо к Феанору, достигшему высот мастерства, пришёл новый замысел или, быть может, призрак близкого рока посетил его; и задумался он, как сохранить нетленным свет Дерев — славу Благословенного Края. Тогда начал он долгий и тайный труд, собрал все свои знания, мастерство и искусность рук и сотворил Сильмариллы» [20, с.65]. «Но кристаллы Сильмариллов были для них лишь тем, чем является тело для Детей Илуватара: пристанищем внутреннего пламени, сокрытого в них и по ним разлитого, — этот пламень и есть жизнь. Внутренним огнём Сильмариллов Феанор сделал благой свет Дерев, что всё ещё живёт в них, хоть сами Древа давно исчахли и не сияют более. Потому даже во тьме глубочайшей сокровищницы Сильмариллы сверкают сами, подобно звёздам Варды. Но так как они поистине живые существа, они любят свет, вбирают его и возвращают лучами ещё более прекрасными» [20, с.65–66].

Вокруг этих удивительных образов кристаллов, колец Власти, разворачивается вся сюжетная линия знаменитой трилогии (образы, сюжеты основных произведений Толкиена имеют тесные параллели). Иначе говоря, в образе Кольца Всевластия воплощается идея власти, зарождающаяся во внутреннем свете души — доброй или злой воли. В романе «Сильмариллион» писатель Дж.Р.Р. Толкиен изложил предысторию Средиземья и предысторию загадочных Колец Всевластия. Богатое воображение писателя так рисует эти образы могущества: «Много колец создали эльфы; Саурон же тайно сотворил Единое, что повелевало всеми прочими кольцами, и мощь их была связана с его мощью и существовала до тех пор, покуда существовало Оно. Много силы и воли своей вложил Саурон в Единое Кольцо, ибо мощь эльфийских колец была велика и кольцо, что правит ими, должно обладать небывалым могуществом; а сковал его Саурон на Огненной Горе в Стране Мрака. И покуда Кольцо находилось при нём, ему были открыты все

деяния, совершённые с помощью младших колец, и мог он проникать в мысли тех, кто владел этими кольцами, и управлять ими» [20, с.343–344]. Отказ от Кольца Всевластия, уничтожение такового становится задачей путешествия, которое взял на себя Фродо. Вокруг образа Фродо в наибольшей степени кристаллизуются романские особенности трилогии, вместе с присутствующими сказочно-эпическими.

«Властелин Колец» является совершенно уникальным произведением, отображающим как особенности мифологически-сказочной литературы, так и реалистической прозы. Трилогия, переведённая более чем на 38 языков, и иные книги Толкиена имели огромное влияние. В 1997 году сотрудники книжного магазина «Уотерстоуна» провели опрос, чтобы выяснить самую влиятельную художественную книгу XX столетия в Англии — такой книгой оказалась трилогия «Властелин Колец». Озвучивание результатов опроса вызвало вначале бурную критику так называемой литературной элиты, некоторые критики считали, что «Толкиен — это ведь для детей. Или для взрослых, забывших повзрослеть» и т.д. Новые опросы подтвердили их достоверность и реальный читательский успех произведений английского писателя.

Жанр фэнтези в наше время стал одним из самых популярных и прибыльных, а Толкиен проложил своим творчеством дорогу для большинства современных авторов жанра. Его влияние простирается и на мир кино, мир компьютерных игр, ролевых игр с уклоном в исторические реконструкции и т.д. К настоящему времени в мире распроданы сотни миллионов экземпляров произведений писателя. Это делает значимым исследование как ТИМа писателя, так и исследование его творчества в русле соционической психоистории. Подводя итог соционической психодиагностике ТИМа Д. Р. Р. Толкиена с учётом комплексного изучения материалов его творчества, биографических фактов, отзывов, следует сделать вывод, что все они подтверждают версию — ИЭИ (Идеалист).

Л и т е р а т у р а :

1. Активное воображение. Юнгианский подход / Под ред. Б. Дорст, Р. Фогеля. Пер. с нем. — Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», А. В. Кочергин, 2016. — 200 с.
2. Болле Р. «Сёстры-тени... Метод «активного воображения» по К. Г. Юнгу и Кататимно-имагинативная психотерапия по Х. Лейнеру» // «Символдрама», осень 2010.
3. Букалов А.В. Потенциал личности и загадка человеческих отношений. — М.: Чёрная белка, 2009. — 592 с.
4. Вайсбанд И.Д. 5000 лет информатики. — М.: Чёрная белка, 2010. — 352 с.
5. Галанина Е.В., Батурич Д.А. Фэнтези как неомифологическая реальность // Вестник челябинского гос. ун-та. — 2016. — № 3. — С.41-45.
6. Громова В.В. Феномен популярности жанра фэнтези в современной массовой литературе для детей // Вестник череповецкого гос. ун-та. — 2012. — № 1. — С.74-77.
7. Джонсон Р. Сновидения и фантазии. Серия «Актуальная психология». Пер. с англ. — М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996. — 288 с.
8. Есюк Р.П. Психобиографическое исследование М. Ю. Лермонтова. — Х.: Харьковская городская типография № 16, 1997. — 151 с.
9. Есюк Р.П. Техника аналитической психологии // Обухов Я. Л. Символдрама и современный психоанализ. Сборник статей. — Харьков: Регион-информ, 1999.
10. Есюк Р.П. Психотипы в системе архетипических взаимосвязей — структурный анализ // Психология и соционика межличностных отношений. — 2016. — № 7-8. — С.15-31.
11. Зайцев В.С. Соционический тип Марины Цветаевой // Психология и соционика межличностных отношений. — 2016. — № 11-12. — С.50-56.
12. Зеленский В.В. Здравствуй, Душа! Работы разных лет. — М.: Когито-Центр, 2009. — 368 с.
13. Лейнер Х. Кататимное переживание образов: Основная ступень; Введение в психотерапию с использованием техники сновидений наяву: Семинар: Пер. с нем. — М.: Эйдос, 1996. — 253 с.
14. Меньшова Т.И. Театр соционики. Серпантин, или Предсказатели солнца. — М.: 2009. — 224 с.
15. Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). — М.: Политиздат, 1991. — 432 с.
16. Перель Ю.Я., Долгопольская И.Г. Наполеон Бонапарт и Гай Юлий Цезарь и их психологические типы // Психология и соционика межличностных отношений. — 2016. — № 7-8. — С.67-75.

17. *Попова Е.П.* Соционический тип Анны Ахматовой // Психология и соционика межличностных отношений. — 2016. — № 9-10. — С.59-63.
18. *Петров А.Ю., Шмойлова А.А.* Исследование соционического типа Джона Рональда Руэла Толкиена // Соционика, ментология и психология личности. — 2006. — № 6. — С.57-66.
19. *Толкиен Дж. Р.Р.* Властелин колец: Трилогия. Т. 1-3 / Пер. с англ. — Харьков: Фолио, 2003. — 479 с.
20. *Толкиен Дж.* Сильмариллион. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 430 с.
21. *Толкин Дж.* Малые произведения: Стихи, сказки. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 252 с.
22. *Толкин Дж.* Хоббит: роман / Пер. с англ. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. — 318 с.
23. *Уайт М.* Толкиен: Биография. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 320 с.
24. *Catherine Filatova.* Психологические типы в биографиях. Коко Шанель // Психология и соционика межличностных отношений. — 2017. — № 3-4.
25. *Хиллман Дж.* Исцеляющий вымысел / Пер с англ. — СПб.: Б.С.К., 1997. — 181 с.
26. *Хиллман Дж.* Предисловие // *Аллан Дж.* Ландшафт детской души. Психологическое консультирование в школах и клиниках. — ЗАО «Диалог» — ИП «Лотаць». — СПб-Мн., 1997. — 256 с.
27. *Хиллман Дж.* Чувствующая функция // М-Л. Фон Франц. Подчинённая функция. Дж. Хиллман. Чувствующая функция. Пер.с англ. — СПб.: Б.С.К., 1998.
28. *Хиллман Дж.* Архетипическая психология / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2006. — 351 с.
29. *Хиллман Дж.* Внутренний поиск: Сборник работ разных лет. — М.: «Когито-Центр», 2004. — 335 с.
30. *Хиллман Дж.* Самоубийство и душа / Пер. с англ. — М.: «Когито-Центр», 2004. — 272 с.
31. *Шульман Г.А.* Портрет социона. Введение в соционику Аушры Аугустинавичюте. — М.: Чёрная белка, 2009. — 472 с.
32. *Шустова Э.В.* Пути изучения творчества Дж.Р.Р. Толкиена в России // Филология и культура. — 2012. — № 4. — С.237-240.
33. Энциклопедия литературных произведений. — М.: ВАГРИУС, 1998. — 656 с.
34. *Юнг К. Г.* Психологические типы: [пер. с нем.]. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. — 761 с.;
35. *Hillman J.* Re-Visioning Psychology. New York: Harper and Row, 1975.
36. *Hillman J.* City and Soul. Irving Texas: Center for Civic Leadership, University of Dallas, 1978.
37. *Hillman J.* Anima Mundi: The Return of the Soul to the World. Dallas. TX: Spring Publications, 1982.
38. *Hillman J.* A Psyche the Size of the Earth: A Psychological Foreword // Roszak T. (ed.) Ecopsychology: Restoring the Earth, Healing the Mind. San Francisco: CA: Sierra Club Books, 1995.
39. *Kocher, Paul H.* Master of Middle-earth: The Fiction of J.R.R. Tolkien. Houghton Mifflin, Boston, USA, 1972.
40. *Shippey, Tom.* J.R.R. Tolkien: Author of the Century. HarperCollins, London, 2000.

Статья поступила в редакцию 18.07.2017 г.